

Памяти А. Р. КУГЕЛЯ

10 лет прошло со дня смерти А. Р. Кугеля.

Он сам не верил в долговечность своего труда и готов был считать, что его литературное наследство — наследство театрального критика — не найдет наследников. Говоря о том, что «трагедия актера в его эфемерности», Кугель горько сетовал: «Я думаю, что это также трагедия и театрального критика. Мне часто, особенно по мере того, как уходят годы, приходит в голову мысль о жалком жребии того самого дела, которое я делал всю свою жизнь».

В этом Кугель оказался плохим пророком: прошло 10 лет, а его суждения и мысли о театре попрежнему живут среди всех, кто причастен к искусству сцены. Кугеля цитируют в разговорах, лекциях, статьях; с ним спорят, как с живым; наконец, из его статей составляют книги, и книги эти широко читаются.

В чем секрет этого посмертного успеха? В непогрешимости критических суждений Кугеля? Меньше всего Кугель был непогрешим в своих суждениях.

Но не это главное в его деятельности. Дело прежде всего в необыкновенной, исключительной любви Кугеля к театру. Эта любовь роднила Кугеля с лучшими его предшественниками по театральной критике. Эта любовь Кугеля к театру и к актеру была так велика, так искренна, что ради нее Кугелю прощали суровость его приговоров тем, кто имел основание быть им недовольным. Кугель много (и справедливо) нападал на драматургию

Леонида Андреева, а драматург вот что писал беспощадному критику в день юбилея его журнала: «Далеко не во всем сходимся мы с А. Р. Кугелем и особенно в оценке моих пьес, которые мне всегда больше нравятся, чем ему, но суть не во взглядах, а в человеке, который стоит за ними: вечно юном, вечно пламенеющим, неистощимо живом, разумном и остроумном А. Р. Кугеле... Каждая статья его — это утро, полное свежести. Каждая статья его — это новое волнение, это новая страсть и огонь». Кугель всегда стоял за реализм в театре. В Л. Андрееве он видел опасного врага реалистического театра и был беспощаден к нему,

А. Р. Кугель

К 10-летию со дня смерти

но вел борьбу со своим противником с таким вниманием к его творчеству, с такой горькой скорбью об его заблуждениях, что сам Андреев должен был признать в своем противнике «рыцаря без страха и упрека», беззаветно преданного Театру (с большой буквы).

«Чем может похвастаться русский театр? — спрашивал в одной статье Кугель. — «Виртуозностью? Шиком? Вкусом? Едва ли. Его сила — в правде».

Это замечательное признание. Эту «правду» Кугель искал всюду и всегда дорожил ею чрезвычайно. Его живая мысль ликовала, когда ему удавалось найти эту правду в актере, в пьесе, в удачно сказанном монологе, в верно отысканной интонации. Живой человек, могучее чувство, емкая широкая мысль, — вот что любил Кугель в театре. Он умел все это так живо почувствовать и пережить, что его статьи превращались в художественные произведения, будившие мысль, волновавшие чувство и занимавшие воображение читателя. Кугель горячо отстаивал для критика право быть художником. Он писал: «Для критика существует не только объективный материал наблюдения, т. е. произведение искусства, но и собственная душа, собственное творчество». К этому творчеству критика Кугель относился с предельной строгостью. Вот что рассказывает А. В. Луначарский в своих воспоминаниях о Кугеле:

«Порою его речь была до такой степени богата, что я как-то воскликнул:

— Александр Рафаилович, ваши статьи должны вам даваться необыкновенно легко. Вы должны были бы просто садиться за какой-нибудь диктофон и говорить, говорить, говорить...

А. Р. Кугель сделался совершенно серьезным:

— Вы совершенно неправы. Каждую мою статью, каждую мою заметку я перечитываю и переделываю, по крайней мере, три раза, и перо мое подолгу висит после каждого знака препинания, пока я пережевываю дальнейшее слово или оборот».

Критик, требовавший от актеров безукоризненной четкости образов и чистоты речи, в своих писаниях всегда давал образец художественного языка, за которым сверкала яркая мысль и горело волнующее чувство.

Вот почему страницы книг Кугеля — это живая летопись русского театра за несколько десятилетий и, вместе с тем, это правдивый дневник человека, живущего радостями и скорбями любимого искусства. Без этой летописи не обойдется никто из тех, кто изучает пути и перепутья старого русского театра, в лучшей своей части всегда близкого к реализму.

Дневник Кугеля будет еще долго волновать всех, кому близка жизнь театра и кто ищет путей для еще большего его процветания и совершенства.

Кугель оказался неправ: его будут читать, с ним будут спорить, ибо искусство театра в нашей стране достигло того расцвета, о котором всю свою жизнь мечтал и за который боролся А. Р. Кугель.

С. ДУРЫЛИН